

Стоило старому генералу Яню подать голос, как Хэ Наньфэн лишился возможности заступаться за Вань-ши. Он лишь обиженно дернул бородой и окончательно замолк.

Маленькое, с ладонь, личико Вань Шу-эр было бледным как полотно, что вызывало у Хэ Наньфэна острую жалость, однако сама она держалась довольно стойко. Опустив голову и помолчав немного, она медленно произнесла:

— Как и сказал хоу-е, портрет и данные Гу-эра запросила лично Ее Величество императрица. Я не делала этого по своей воле. Сегодня за обедом хоу-е уже спрашивал об этом, и сейчас, сколько бы вы ни допытывались, мой ответ останется прежним.

Сказав это, она приложила платок к глазам, смахивая слезы, и добавила тише:

— К тому же, Гу-эр уже в том возрасте, когда пора думать о женитьбе. Они со Старшей принцессой ровесники. Если Ее Величество благосклонно отнесется к нашему сыну, разве это не станет величайшей милостью для поместья Чанъян-хоу? Старшая принцесса — особа драгоценная, неужели брак с ней — это оскорбление для Гу-эра? Да, я подала его данные во дворец, но лишь исполняя волю императрицы. Почему же в устах почтенной госпожи это превратилось в «гнилую пакость»? Неужели желание императрицы выдать дочь за юношу столь достойного облика и талантов тоже считается преступлением?

Эти слова только на первый взгляд казались оправданием, на деле же они были полны скрытых уколов: Вань-ши тонко намекала, что старики Янь выказывают неуважение к императрице и принцессе. Лицо старой госпожи Янь мгновенно пошло пятнами. Она долгие годы знала Вань-ши как кроткую и тихую особу и никак не ожидала от нее такой прыти. Старуха резко вскочила, указывая на нее дрожащим от ярости пальцем:

— Ты... да ты...

Хэ Гу поспешно усадил бабушку обратно. Он понимал: как бы ни были коварны намерения Вань-ши, формально она была права. Мало кто из знатных юношей мечтал стать фума, но вслух об этом говорить не решались именно по этой причине. Для какого-нибудь бездельника, мечтающего лишь о сытой жизни, женитьба на принцессе была пределом мечтаний: никакой службы, зато щедрые дары и статус «богатого лентяя» до конца дней, если не наделать глупостей.

Однако поместье Чанъян-хоу, хоть и не было первым в столице, имело солидное состояние. Хэ Гу был законным старшим сыном, наследником титула, и его благополучие не зависело от брака с принцессой. Ради этого титула жертвовать карьерой было просто неразумно.

В глазах старой госпожи Янь её внук был образцовым юношей. Рано потеряв мать, он не озлобился, рос смышленным и способным, схватывая науки и боевые искусства на лету. Его мастерство в стрельбе и верховой езде считалось одним из лучших среди сверстников в Бяньцзине. В свои шестнадцать он уже вернулся с победой из Чэнхэ — пусть это и не был великий подвиг, но для его лет это достижение впечатляло. В нем видели стать его деда, генерала Яня, и даже нечто большее. Старая госпожа была твердо уверена: внука ждет великое будущее.

Но сейчас она не могла прямо заявить, что родство с императорской семьей — это плохо. От бессилия и гнева её лицо то краснело, то бледнело. Хэ Гу, опасаясь за её здоровье, уже открыл рот, чтобы вмешаться, но тут заговорил его отец:

— Почтенные тесть и теща, не стоит так волноваться. Хотя императрица и проявила интерес,

официального указа еще нет. Пока принцесса лишь присматривается, и вовсе не факт, что выбор падет именно на Гу-эра. Сделаем так: через два дня Его Величество вернется с охоты. Когда я отправлюсь во дворец с докладом, я постараюсь разузнать обстановку. Если Государь тоже склоняется к этому браку, я найду предлог, чтобы вежливо отказаться. Наш Император — правитель милостивый, а за мной теперь числится заслуга в подавлении мятежа в Чэнхэ. Полагаю, Его Величество не станет гневаться. Шанс уладить дело еще есть.

Эти слова стали неожиданностью не только для Хэ Гу и стариков Янь, но даже Вань-ши заметно опешила. Старый генерал Янь помолчал, прикрыв глаза, и наконец выдохнул:

— Что ж... значит, у тебя как у отца всё же осталось немного совести.

Вань-ши что-то пробормотала себе под нос, а затем тихо добавила:

— Но... это ведь воля императрицы. Если хоу-е открыто откажется, это может навлечь гнев на всю семью...

Не успела она закончить, как Хэ Наньфэн резко оборвал её:

— Замолчи!

Вань-ши редко видела его в таком гневе. Она вздрогнула и поспешно опустила голову, не смея больше проронить ни слова.

Раз Хэ Наньфэн пообещал попытаться расстроить помолвку, старикам Янь не было смысла продолжать скандал. Они начали собираться. Хоу-е пытался уговорить их остаться на ужин, но генерал Янь сухо отказался.

Только тогда старая госпожа заметила Янь Динье, который всё это время жался у двери, не решаясь войти.

— Динье? А ты что тут делаешь? — удивилась она.

Тот неловко потер нос:

— Э-э... я сегодня случайно встретил брата на улице, вот он меня и притащил сюда.

Старый генерал мельком взглянул на непутевого внука и сразу догадался, что тот опять где-то бездельничал. Но отчитывать его в чужом доме он не стал. Лишь нахмурился и бросил:

— Домой.

Затем он снова посмотрел на внука Хэ Гу, и его голос заметно потеплел:

— Гу-эр, ты наконец-то в столице. Обязательно загляни к нам с бабушкой в ближайшие дни.

Янь Динье:

— ...

«И кто тут, спрашивается, родной внук?!»

Хэ Гу поспешно кивнул. Хэ Наньфэн оставил Вань-ши в доме, не позволив ей выйти, и вместе с сыном проводил стариков до ворот. Они стояли на крыльце, пока экипаж не скрылся из виду.

Обернувшись, старый хоу наткнулся на ледяной взгляд старшего сына. Хэ Гу, заметив внимание отца, дерзко и лениво улыбнулся и, не сказав ни слова, направился к себе.

— Стоять! — вдруг окликнул его Хэ Наньфэн.

Хэ Гу замер:

— Слушаю вас, отец.

— Через два дня, когда я поеду во дворец, ты поедешь со мной.

Хэ Гу удивился:

— Я? Зачем мне туда?

Хэ Наньфэн дернул бородой, губы его задрожали, но он промолчал. Он знал, что нынешний император не просто милостив, он — мудрый правитель, ценящий таланты. Его старший сын, хоть и ведет себя порой как бунтарь, всё же не бездарен: и в словесности, и в военном деле он кое-что смыслит. Хэ Наньфэн никогда не говорил об этом вслух, но втайне гордился сыном, особенно когда коллеги по службе завидовали, что у него вырос такой преемник. Если император увидит Хэ Гу лично, он наверняка оценит его потенциал и не захочет губить карьеру будущего чиновника или генерала, превращая его в фума.

Это был гораздо более тонкий ход, чем прямой отказ. Но признаваться в этом сыну хоу-е не хотел — Хэ Гу и так в последнее время отбил от рук, зачем давать ему повод для лишней гордости?

— Мое решение обсуждению не подлежит. К чему лишние вопросы? — холодно бросил он, кашлянув.

Хэ Гу лишь подумал, что у старика не всё в порядке с головой: сам позвал, сам же напустил туману. Он уже хотел уйти, но вспомнил кое-что важное.

— Ваши отношения с госпожой — не мое дело, — начал он, — но она ваша вторая жена, а Жун-эр — ваша дочь. Прошу вас, приструните госпожу и её слуг с их черными помыслами. Пусть не смеют совать нос в павильон Ваншу. Если дело дойдет до беды, пострадает в первую очередь ваша репутация.

Старый хоу нахмурился:

— Ты о чем это?..

Хэ Гу посмотрел на него с горькой усмешкой.

— Госпожа делит с вами ложе уже много лет. Неужели вы и впрямь не догадываетесь, на что она способна? Жун-эр лично сказала мне, что её пытались напугать или причинить вред, и лишь бдительность нянюшек из павильона Ваншу помогла избежать беды. Станет ли восьмилетняя девочка лгать о таком? Мы с вами были в Чэнхэ — кто еще в этом огромном поместье мог бы желать ей зла? Неужели вы и впрямь не понимаете?

Перед глазами Хэ Гу всплыла картина из прошлой жизни: как Жун-эр из-за козней этой женщины до смерти испугалась змеи и навсегда лишилась рассудка, оставшись в теле взрослой женщины ребенком. Гнев снова закипел в нем. После перерождения его часто

преследовало чувство нереальности — каждое утро он смотрел в воду при умывании и спрашивал себя: правда ли это? Действительно ли он прожил ту несчастливую жизнь или это лишь затянувшийся сон?

Но одно он знал точно: он не сможет, как тот «прежний» Хэ Гу, покорно подставить шею под меч наследного принца, который назвал его «неверным подданным» после всех лет преданной службы. В теле юноши его эмоции стали острее, и он больше не желал терпеть обиды, предательства и манипуляции. Даже если нынешняя Вань-ши еще не совершила тех злодеяний, он не даст ей ни единого шанса навредить его близким.

— Я предупредил, — ледяным тоном закончил он. — Если вы продолжите потакать ей и она перейдет черту, не вините меня потом в непочтительности.

С этими словами он ушел, оставив отца стоять в растерянности.

Тем временем во дворце Чжиян, покоях императрицы.

Старшая принцесса Пэй Чжаоюй, славившаяся своей сыновней почтительностью, спешно вернулась с охоты в Западных горах, едва узнав о «недуге» матери.

Но все слуги во дворце знали: императрица пребывает в добром здравии. А сказки про холод и постельный режим были лишь уловкой, чтобы выманить дочь из леса пораньше.

Пэй Чжаоюй вошла в покои запыленная, прямо с дороги. Слуги замерли, боясь дыхнуть — все опасались, что принцесса, раскрыв обман, сорвет на них гнев.

Императрица Чэнь в свое время была первой красавицей Бяньцзина; сваты буквально обивали пороги её дома. Старшая принцесса унаследовала красоту матери. Однако по характеру она была холодна и немногословна. Государь обожал дочь и воспитывал её наравне с принцами: науки, стрельба из лука, верховая езда — она преуспевала во всем.

В отличие от живой и кокетливой матери, принцесса была подобна красному лотосу среди снегов — холодная, но ослепительно прекрасная. Когда она сняла вуаль, даже слуги, видевшие её с пеленок, на миг замерли в восхищении.

Голос принцессы был чуть низким, но мелодичным:

— Матушка? Вы здоровы?

— Конечно, конечно, — императрица Чэнь всю шуршала свитками на столе. — Если бы я так не сказала, кто знает, когда бы ты соизволила вернуться. У меня к тебе дело государственной важности.

— Если дело важное, почему нельзя было сказать прямо...

Она осеклась, когда её взгляд упал на портрет, лежащий на столе. На нем был изображен красивый юноша в синих одеждах. Художник явно был мастером: он сумел передать живой блеск его темных, как лак, глаз. Уголки его глаз были чуть приподняты, на губах играла легкая улыбка. Юноша был необычайно хорош собой.

— Ну, как он тебе? — императрица с надеждой посмотрела на дочь. — Старший сын из поместья Чанъян-хоу. Сколько я ни выбирала, он мне милее всех. Недавно спрашивала его мать — говорят, он и в науках, и в воинском деле силен, да и по датам рождения вы идеально

подходите. Посмотри, Юй-эр, нравится он тебе?

<http://bllate.org/book/15879/1615342>